

Андрей Козырев, главный редактор журнала «Менестрель», обратился к нам с предложением сделать двойное интервью – рассказать о литературе Урала и США. Представляем вашему вниманию запись нашего разговора, состоявшегося в апреле при помощи мессенджера фейсбука.

Вставка 1. Наши резюме.

Вера Зубарева, Ph.D. Пенсильванского университета. Поэт, прозаик, литературовед. Автор литературоведческих монографий, а также книг поэзии и прозы на русском и английском языках. Главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское Безрубежье». Первый лауреат международной премии им. Беллы Ахмадулиной, лауреат муниципальной премии им. Константина Паустовского и других международных литературных премий. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Книга «Трактат об ангелах» выдержала несколько изданий и выходила в США (LivingstonPress, 2002), Украине (Русская книга, 1995) и Швейцарии (PanoVerlog, 2003), в том числе и в переводах (с рисунками Эрнста Неизвестного). В 2004 году «Трактат...» завоевал награду «Топ Книга» и четыре диплома на международной книжной ярмарке «Зелёная волна». В России «Трактат об ангелах» вышел в «Новом мире» в 2016 г. (№4). Он включён в программу Таганрогского института имени А. П. Чехова, где преподаётся в курсе «Русская литература конца XX – начала XXI века» (проф. В. Кондратьева). Преподаёт русскую и сравнительную литературу, а также принимает решения в шахматах, литературе, кино и бизнесе. Родилась в Одессе. Живёт в Филадельфии. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Крещатик», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал», «Новая юность», и др.

Марина Волкова, издатель, культуртрегер. Автор и организатор социокультурных проектов («Читательские

марафоны», «История в лицах», «Я живу на Урале», «Современная поэзия. Современный человек», «Год челябинской детской литературы», «Год семейного чтения памяти Н. П. Шилова» и др.); соорганизатор проектов «ГУЛ», «Русская поэтическая речь–2016» (оба совместно с автором проектов Виталием Кальпиди). Издатель книг для детей и книг поэзии. Куратор фестивалей нового типа «Время читать», «Фестиваль поэзии и поэтов ГУЛ», «Фестиваль поэтических интервенций», «Суперфест одной антологии». Награды: памятная медаль Года литературы «За особый вклад в книжное дело» (2016). Лауреат премии П. П. Бажова в номинации «Польза дела» (совместно с В. О. Кальпиди) (2019). Благодарственное письмо Законодательного собрания Свердловской области (2019). Живёт в Челябинске.

Вставка 2. Немного цифр⁵.

США: население 327, 6 млн человек, плотность населения – 33 чел./км², площадь государства – 9 519 431 км². Современных поэтов – ?, «плотность» на количество жителей – нет сведений.

Урал (часть России, включающая Пермский край, Свердловскую и Челябинскую области): население 10, 4 млн человек, средняя плотность населения 26 чел./км², общая площадь трёх уральских регионов – 443 072 км².

Современных поэтов⁶ – 164, «плотность» поэтов – 1 поэт на 63 415 человек (уральских поэтов, не опубликованных в АСУП, предположительно, несколько десятков тысяч).

⁵ Данные по количеству жителей, плотности населения и площади государства взяты из русской «Википедии». Количество поэтов – из антологий последнего 25-летия.

⁶ Количество поэтов, чье творчество задокументировано в проекте «Антология современной уральской поэзии» (АСУП), четыре тома с 1996 по 2018 гг.

Вставка 3. Портрет поэтов и поэтических сообществ.

Вопросы	Уральская поэтическая школа (УПШ)	США
Есть ли поэты, работающие поэтами?	Нет	Нет
Кем работают поэты?	От грузчика до профессора университета	От грузчика до профессора университета
Имеют ли специальное литературное образование?	Несколько человек закончили Литературный институт им. М. Горького, многие – филологические или журналистские факультеты университетов	Необязательно
Знают ли поэты друг друга?	Да, большинство знакомы лично, многие дружат	Да
Знакомы ли с творчеством друг друга?	Да, и очень хорошо, благодаря публикациям в АСУП, общим мероприятиям и проектам	Да
Литературные журналы региона/страны	«Урал» (Екатеринбург), альманах «Вещь» (Пермь)	«Гостиная», «Интерпоэзия», «Новый журнал», «Слово-Word», «Стосвет» и др.
Основные фестивали	«Толстяки на Урале» (Екатеринбург); гуловские фестивали (Екатеринбург, Челябинск, Магнитогорск); «Инверсия» (Челябинск); «Компрос» (Пермь)	Poetfest, «Синий троллейбус», «Смехотроль»
Особенности творческих стратегий УПШ	<p>Многие занимаются культуртрегерством: организуют мероприятия, участвуют в издании книг, пишут критические статьи и т. д.</p> <p>Тесное взаимодействие с другими видами искусств: видеопозия, музыка, изобразительное искусство, фотография, театр, документальные фильмы.</p> <p>Постоянный обмен творческим опытом,</p>	<p>Мероприятия, телемосты, критические статьи, синтез искусств, музыка, видео, бардовская песня, театр, фотография, живопись (только русскоязычная поэзия).</p> <p>У американцев это в основном конференции, где встречаются издатели, писатели и агенты; групповые чтения в кафе, книжных магазинах и колледжах; встречи с редакцией</p>

	взаимозаимствования	журналов
Как и за счёт чего издаются книги поэтов?	Собственные средства и инициатива, несколько частных издательств (изд-во Марины Волковой, «Кабинетный учёный», «Сенатор»). Государство в финансировании издания книг практически не участвует	Русскоязычные книги в основном за счёт авторов
Основные книги, по которым можно судить о поэзии региона/страны	«Антология современной уральской поэзии», 4 тома, выходит каждые семь лет. «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», 2013.	Не знаю
Где в интернете можно найти информацию о поэтах и их тексты?	Информационный депозитарий УПШ: http://mv74.ru/upsh/ Здесь выложены книги, видео, информация о каждом из поэтов УПШ и многое другое	Для русских – ОРЛИТА http://www.orlita.org/ плюс отдельно база данных в каждом журнале. А так – всё в сети, в энциклопедиях и «Википедии»

ВЗ: О литературе Урала мне интересно всё, даже не знаю, с чего начать. Нет, уже знаю. В чём, по вашему мнению, основное отличие литературы Урала от русской литературы других регионов?

МВ: Ваш вопрос я бы всё-таки переформатировала в более узкий: «В чём отличие поэзии Урала от русской поэзии других регионов?», во-первых, потому, что поэзию я знаю лучше, чем прозу, публицистику, драматургию (а втайне именно поэзию считаю главной, определяющей все остальные литературные жанры). Во-вторых, потому что литература Урала настолько богата, что придётся нам говорить очень и очень долго. Для понимания масштабов: «История литературы Урала» – четыре объёмных тома, «Антология современной уральской поэзии» – 4 тома, «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», посвящённая поэзии только 1996–2013 гг., – 680 страниц и т. д.

К тому же разговор в целом об уральской литературе рано или поздно перейдёт на уральский текст, а это ещё и уральский рок, и уральский КВН, и тексты ситкомов, и...

Поэтому предлагаю ограничиться поэзией. Для меня уральская поэзия – это прежде всего Виталий Кальпиди и всё, что он делает – от собственно поэзии до культуртрегерства. Благодаря его работе по созданию – «придумыванию» Уральской поэтической школы, я узнала и полюбила и Юрия Казарина, и Андрея Санникова, и Евгению Изварину, и ещё десятки поэтов, чьё творчество и жизнь задокументированы в изданиях Уральской поэтической школы, и ещё несколько сотен молодых и не очень поэтов, работающих на Урале в этой поэтически насыщенной среде.

Каждые семь лет, начиная с 1996 года, Виталий Кальпиди издаёт «Антологию современной уральской поэзии», в которой исчерпывающая информация о поэтах, активно работающих в данной семилетке, подборки их стихотворений, литературоведческая информация. Кроме «Антологий» (АСУП), в 2013 году вышла «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», богато иллюстрированное издание (более 860 фотографий), где кроме биографий поэтов дан теоретический материал об УПШ и

хроники её становления (электронный вариант – https://www.marginally.ru/html/Vsjachina/Vsjachina_zaglav.html) Такое тщательное документирование литературного процесса – один из принципов, который ввёл Кальпиди. И это одна из черт, которая отличает уральцев от всех других регионов России, а возможно, и мира. Вторая особенность УПШ – непрерывное движение, организация мероприятий, как внутрипоэтических, так и «на публику», от автопробегов и фестивалей до баттлов и научных конференций. В результате уральские поэты – самые «знакомые» друг с другом и творчеством коллег по цеху. Естественно, укрепляются и дружеские связи, идёт непрерывный творческий взаимообмен, а многие поэты по примеру старшего поколения УПШ становятся культуртрегерами.

Третья особенность уральской поэзии – большая степень свободы и в выборе тем, и в работе с формами. Можно продолжать перечислять отличия (регион, первым освоивший видеопозию, переносящий поэзию в театр, с развитой литературной инфраструктурой – тут есть и свои критики, и учёные, изучающие феномен УПШ) и т.д.

Недаром определение УПШ менялось на разных этапах. Сейчас оно звучит так: УПШ – стендовая модель современной русской поэзии.

Теперь мой давний интерес – современная американская поэзия. Про русскоязычную поэзию Америки я немного знаю (подборки некоторых поэтов вошли в «Антологию анонимных текстов» в проекте «Русская поэтическая речь». Новые тексты и события жизни таких поэтов я отслеживаю в фейсбуке, читаю их в журналах «Воздух», «Стороны света», «45-я параллель», других изданиях. Но вот собственно об американской поэзии я не знаю почти ничего, более того, даже не представляю, как она может выживать в США (не финансово, а ментально). Для начала прошу ответить, знаете ли вы кого-то из этих американских поэтов: Катрин Хеллерстейн (Kathryn Hellerstein), Ким Аддонизио (Kim Addonizio), Ричард Сайкен (Richard Siken), Кей Райан (Kay Ryan), Рита Дав (Rita Dove), Кевин Пруфер (Kevin D. Pruffer), Норма Коул (Norma Cole), Кейт Колби (Kate Colby)? Если да, то каково их место в современной американской поэзии?

Почему именно их? Потому что именно их перевели наши уральские поэты (кто напрямую, кто с подстрочника), и эти переводы вошли в 4-й том «Антологии современной уральской поэзии» (это ещё один новый тренд, вброшенный Кальпиди, – курс

на создание международной поэтической корпорации; в 4 томе АСУП переведены 50 поэтов из 20 стран мира).

ВЗ: Да, я знаю кое-кого из этих поэтов, а одного из них даже рекомендовала и помогала этой публикации состояться. Так что, несмотря на то что моё участие не указано в антологии, свою небольшую лепту в неё я тоже внесла.

Как ментально выживает американская поэзия? Хороший вопрос. Она просто другая. Больше ориентирована на социальные проблемы, на индивидуума, меньше связана с извечными вопросами, без которых русская поэзия теряет свои отличительные свойства. Американская поэзия отражает ментальность американца и не выжила бы с ментальностью русского. Одно из основных её условий связано с тем, что она должна быть адекватна читающему кругу, т. е. поэт и читатель должны находиться на одном конкретном понятийном уровне. Это отношения горизонтального типа.

В русской поэзии отношения поэта и читателя строятся по вертикали. Присутствие небес, вопросы судьбы и Бога наполняют и обогащают подтекст классической русской поэзии. Это остаётся неизменным. Большую русскую поэзию отличает тенденция взгляда на земное сквозь призму небесного.

Это не имеет ничего общего с утилитарной духовной поэзией американцев. Библейский склад души русского поэта диктует ему соответствующее отношение к вопросам земли, любви и свободы, ключевым для которых является эпитет «священный». Это более сложный уровень мышления, проникающий все сферы бытия и труднопереводимый с одной культуры на другую.

Как бы вы, Марина, определили основную тенденцию уральской поэзии? Что вам ближе всего в современной поэзии, а чего вы категорически не воспринимаете?

МВ: Одна из основных тенденций в уральской поэзии – богостроительство, «Бога создают даже из его отсутствия» (см. статью Марины Загидуллиной в «Энциклопедии УПШ»). И, пожалуй, только на Урале так много думают и говорят о целях поэзии, о ее функциях, о назначении поэта. Последняя книга Кальпиди (не стихи) так и называется – «Философия поэзии». Если же перейти на мой язык (а я прежде всего управленец, проектировщик, предприниматель, а не филолог), то эта тенденция – проектирование будущего. Будущего языка, будущего образа мысли, чувств, поведения и событий, наконец. Это моё, родное. Но и вся современная поэзия мне близка – как воздух, в котором есть

разные элементы, но при дыхании важен вовсе не его химический состав. Поэтому фраза «категорически не воспринимаю» не моя. Бывает, что не понимаю, – это да. Но это только раздражает, как ребёнка новая игрушка – как же это устроено?

ВЗ: Здесь мы на одной волне. Только я бы сравнила себя с детективом. Свой метод в литературоведении я так бы и назвала – «детектоведение».

МВ: Но есть в уральской (как модели русской) поэзии и те явления, которые вы приписали поэзии американской. Например, заметно, как поэзия начинает заменять собой публицистику, бытописание; круг её тем часто замыкается в рамках одной квартиры, одного человека. Понятно, что ресурс здесь небольшой, поэтому начинается обращение к истории – истории себя, семьи, иногда города.

Становятся заметны веяния моды, на феминитивы например. Но, если вы выделили важную для американской поэзии пару «поэт–читатель» и их общее семантическое поле, то в русской поэзии читатель почти игнорируется, авангардная поэзия стремится к закрытости, организации сообществ по принципу «свой/чужой».

Уральская поэзия на этом фоне а) менее агрессивна (т. е. войны между сообществами внутри неё пока локальны) и б) читатели здесь есть. Более того, некоторое время назад мы с Кальпиди объявили, что единица УПШ – это «поэт+читатель+учёный». А общая задача – построение уральского поэтического кластера, т. е. сообщества людей, которые знают поэтов, слышали их тексты, читают и покупают книги. Последнее особенно важно, потому что, по большому счёту, современной русской поэзии нет в литературе.

ВЗ: Если читатель и игнорируется, то именно в силу вертикальных отношений – он выносится на низшую ступень, «как бы» не существует. Перед ним захлопываются двери «закрытой» авангардной поэзии, которую вы справедливо упомянули, а значит, закрытые двери сооружаются в расчёте на него. Это расчёт с негативным знаком.

Об издании книг мой следующий вопрос. Увы, книги, а тем более поэтические, сегодня не помогают издательствам выжить, не говоря уже о поэтах. Издание книги не может быть источником существования поэта. Как вы с этим справляетесь?

МВ: Процедур поддержки поэзии со стороны государства практически нет, отдельные случаи финансирования настолько

редки и бессистемны, что их можно не учитывать. Есть, конечно, литераторы, которые умеют ходить по кабинетам и выпрашивать деньги на издание своих книг. На Урале тоже есть целый полк детей лейтенанта

Шмидта, переквалифицировавшихся в детей советской литературы, представляющихся наследниками традиций русской литературы. Но тут надо понимать, что у чиновников и поэтов (настоящих) – разные языки, разное мышление; чиновник вне процедуры может выделить средства только «своему», т. е. непоэту, говорящему и думающему штампами. Это не страшно для литературы, всё равно никакого влияния на неё эти «дети» не оказывают, но уровень агрессии в некоторых слоях общества эти «дети» повышают.

Тиражи же профессиональных поэтов выходят благодаря энтузиастам, как правило, зарабатывающих на издание книг в другом бизнесе (в моём случае, например, это маленький бизнес по металлообработке).

Поэты, конечно, на гонорары не живут, их просто нет или они копеечные от публикаций в некоторых журналах. Кальпиди в «Кодексе провинциального поэта» писал, что путей два: получить платёжеспособную профессию, не связанную со словом, либо вести аскетический образ жизни.

А как у вас обстоят дела с изданием книг и жизнеустройством поэтов?

ВЗ: У нас в принципе ситуация с книжными изданиями решена просто и уже давно. Издательства в основном работают в режиме «книга по требованию». Поначалу издаётся то количество экземпляров, которое закупят по договору с библиотеками плюс авторские, а затем книгу печатают по требованию, заказав её, к примеру, в «Амазоне». С книгой знакомят читателей журналисты и критики, на неё пишут рецензии и распространяют информацию в сетях. Авторы тоже в этом активно участвуют. Популярна электронная книга или сетевой вариант в pdf. На сайте журнала «Гостиная» (<http://gostinaya.net/>), главным редактором которой я являюсь, есть библиотека книг в pdf, которые нам присылают авторы. Я периодически делаю объявления о новых поступлениях в своей группе «Русское Безружье» (в фб).

Существует также много конкурсов, которые способствуют знакомству с авторами. Как правило, все пишущие работают по профессии, необязательно соприкасающейся с литературой. Даже писатели с большим именем работают, хотя у них больше

привилегий в плане приглашений на платные лекции, выступления и т. п.

А как вы видите будущее книги? Перейдёт ли она окончательно в электронный формат?

МВ: Уверена, что книг будет больше: и бумажных, и электронных. Тиражи бумажных книг будут небольшими, но количество наименований будет расти неотвратимо. «Идеальная» книга сегодня – это бумажный вариант+электронная версия+проекции книги в другие сферы, например экранизация, спектакль по книге, видеоклип, танцевальная постановка, перфоманс и прочее.

Если книга ничего не меняет в жизни, то и выпускать её не стоит. Но это моя позиция. У самой же книги много функций: от семейного фотоальбома (многие пишут и издают историю семьи, например) до книги – убийцы свободного времени. Да и место книги тоже может меняться: например, для фильмов книга может выступать в роли рекламного буклета.

ВЗ: Книга – убийца свободного времени. Метко сказано!

МВ: Возвращаясь к вашему описанию положения дел в США, добавлю, что в России эти тенденции книгоиздания тоже проявлены, прежде всего в издательской системе Ridero.

ВЗ: Я знаю о ней. Мы как-то обсуждали эту тему с Владимиром Губайловским. Но там есть свои особенности.

МВ: Кстати, Елена Сунцова, тоже из уральских поэтов, (<http://www.elenasuntsova.com/>) давно живёт в США и работает как издатель по такому же принципу, что вы описали.

ВЗ: Да, я знаю о ней и её издательстве, но лично не знакома. Как-то мне посоветовали обратиться в её издательство, и Мария Галина любезно отправила мне контакт. Но ответа не последовало.

МВ: Вера, а как живёт русская поэзия в Америке? Влияет ли она на поэзию американскую? Есть ли точки соприкосновения? И влияет ли американская поэзия на русскоязычную поэзию в Америке?

ВЗ: Марина, вопрос влияний очень сложный и требует скрупулёзного изучения ситуации и серьёзного компаративистского анализа. На первый и второй взгляд, влияния русской поэзии на американскую я не наблюдаю. Не говоря уже о том, что

современная русская поэзия существенно преобразилась под влиятельным пером Бродского, которое, в свою очередь, испытало на себе влияние английской метафизической поэзии. Так что влияние пока что наблюдается только в одну сторону. Кроме всего, оказать влияние может лишь то, что понятно или близко. Русская поэзия пушкинского образца непонятна западному читателю в силу вышесказанного. Западная ментальность совершенно другая, и это сказывается и на чёткой классификации жанров (духовная поэзия, социальная, политическая, философская и т. п.).

Классификация помогает читателю лучше уловить месседж, а автору – чётче его сформулировать. Так что если говорить о влияниях, то в этом случае влияние может идти только по линии упрощения, т. е. разложения на жанры. Сближение может наблюдаться только за счёт этого, а не за счёт того сложного изначального синтеза, которым отличается нетематическая возвышенная по внутренней направленности русская поэзия высокого образца.

Русскую поэзию невозможно перевести на язык западной поэтической ментальности, который, несомненно, проще. Её можно только переложить, приспособить, повернуть той гранью, которая нацелит на определенный конкретный смысл и конкретного читателя. Русская поэзия исходит из вечных вопросов, из бытийного, библейского по масштабности, преломлённого в разных аспектах. Западная поэзия идёт от обратного – от конкретной постановки вопроса, от чётко формулируемой задачи и той ниши, в которую автор намеревается вписать свои стихи. Если и возникают сложности с переводом такой поэзии, то только в смысле адекватной передачи этих ясных вещей.

МВ: Да, «изнутри» я тоже наблюдаю, что часть русских поэтов ориентируется на запад (не выделяю особо Америку, Европу). Тенденция «вписывания в мировую поэзию», на мой взгляд, тупиковая.

ВЗ: Согласна. Русскую литературу нельзя сымитировать, как, например, японскую поэзию. Она не то чтобы даже особняком, а вообще – над мировой поэзией. Это такой своеобразный купол, венчающий мировую поэзию, до которого ещё нужно дотянуться мысленным оком, чтобы разглядеть все своды.

МВ: О, спасибо за такое красивое и лестное для русской поэзии описание!

А связана ли как-то поэзия и государство – имею в виду периоды подъёма и спада, взаимовлияние?

ВЗ: Очень глубокий вопрос. Вкратце, конечно же, поэт откликается на все внешние вещи, но вопрос – как. Русская литература (её лучшие образцы) откликается, имея первичным образ Творца, в отличие от западной, чей первичный образ – социальный уклад. Роман «Мастер и Маргарита» на Западе так и не понят. То же относится и к поэзии.

МВ: А как вы относитесь к утверждению, что поэзия непереводаема? И есть ли вообще необходимость в коммуникациях поэтов разных языковых культур? И если есть, то в каких формах она может осуществляться и для чего?

ВЗ: Коммуникация – это вообще другое, если я верно понимаю этот термин. Язык, а тем более художественный, настолько мало приспособлен к коммуникации, что одну и ту же мысль нужно много раз преподносить разными словами, чтобы тебя правильно поняли на твоём же родном языке. Язык – это средство разобщения. Что уж говорить о переводе и тем более, о переводе поэзии – такого сложнейшего образа мира! Разве что техническую и научную литературу можно адекватно перевести и то, включая схемы, формулы и таблицы плюс другой наглядный материал, облегчающий понимание.

Ни что не вводит так в заблуждение и не является источником многосмысленности, как слово. И ничего удивительного. Исток-то – Слово. Когда мы подбираем слова, пытаясь выразить многосмысленность понятий, которыми оперируем, развивать и ограничить их в процессе беседы, это напоминает познание – себя, своего образа мышления и образа мышления своего собеседника. Коммуникация – это как бы вырожденный случай познания, поскольку она силится удержать собеседников в рамках схемы разговора чисто информационного толка. Но это в идеале, а на самом деле, коммуникация как понятие – утопия, как язык эсперанто, который так и не прижился.

МВ: Да, у нас разное понимание термина, для меня коммуникация не равна общению, разговорам, обмену информацией, а мыслится как целенаправленное обсуждение темы, вопроса, на который пока нет ответа. В коммуникации присутствует и проблематизация, и определение позиций говорящих, и целеполагание, и гипотезы – короче, это ситуация речевой деятельности, в которой возможно возникновение мышления. Но это мы в сторону от интервью ушли. Можно, я поделюсь мечтой?

ВЗ: Конечно.

МВ: У Виталия Кальпиди есть проект «Жестикуляция», направленный в сторону создания международной поэтической корпорации. В качестве «пилота» этого проекта мы сделали совместно с проектом «Другое небо» Ольги Соколовой книгу русской и французской поэзии «Воздух чист...», одноимённый документальный фильм; провели совместно с французами и франкофонами ряд презентаций в России, книга была представлена во Франции... А мечта – о серии книг и сопутствующих им событий (фильмах, мероприятиях) взаимных переводов как одной из ступенек к этой международной корпорации. Иначе говоря, уральские поэты переводят американских, американские – уральских; при условии совместного финансирования издаётся билингва, проходят мероприятия в США и России... Как считаете, это утопия или американские поэты могут пойти на такой шаг?

ВЗ: Мечта замечательная и вполне осуществимая при наличии фондов. Думаю, американцы примут на «ура» этот проект. Они ведь люди открытые, интересующиеся новым, уважающие и любящие таинственную русскую литературу. Удач вам!

МВ: Спасибо! Надеюсь, это будут наши общие удачи.